

На правах рукописи

Ромашова Мария Владимировна

**СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО В 1945 – СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.:
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Специальность 07.00.02. - Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Пермь, 2006

Работа выполнена на кафедре новейшей истории России
Пермского государственного университета.

Научный руководитель - кандидат исторических наук,
доцент Янковская Галина Александровна

Официальные оппоненты - доктор исторических наук,
профессор Малышева Светлана Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент Сидорчукова Любовь Георгиевна

Ведущая организация - ГОУ ВПО Пермский государственный
технический университет

Защита состоится 8 ноября 2006 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного
совета К.212.189.01. по присуждению ученой степени кандидата исторических
наук при Пермском государственном университете по адресу: 614990, г. Пермь,
ул. Букирева, 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского государственного
университета.

Автореферат разослан 4 октября 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного Совета,
кандидат исторических наук,
доцент

А.В. Колобов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С конца XIX в. культура детства, чей облик активно менялся в ходе модернизации, все больше привлекает к себе внимание российского общества. Понимание того, что будущее зависит от численности детей, от условий их социализации привело к распространению представлений о детях и детстве как особой привилегированной группе в сфере государственных и социальных интересов. С приходом к власти большевиков в 1917 г. детство стало рассматриваться благоприятным периодом для становления советской идентичности. Однако в 1950-е гг. на авансцену истории вышли будущие «шестидесятники». Они оставались представителями советской молодежи, но по своему мировоззрению отличались от предыдущих поколений. Безусловно, их большая часть не входила в авангард «шестидесятничества», тем не менее, достаточно быстро восприняла ценности «оттепели». Истоки этого явления можно обнаружить, если обратиться к послевоенному детству поколения.

Обращение к истории российского детства в XX в. связано с нарастающим по своим масштабам переосмыслением советского прошлого в различных отраслях знания. В этом отношении самой спорной, неоднозначной, но привлекающей наибольшее внимание, представляется проблема истоков, природы, социальной базы, механизмов функционирования системы сталинизма. Научные концепции и схемы, претендующие на её целостное объяснение, во многом теряют свою универсальность, если оставляют вне поля зрения сферу детства как особую область государственных притязаний и устремлений, идей и представлений, утвердивших на многие десятилетия вперед облик «советского человека».

Научный интерес к изучению проблематики советского детства также обусловлен повышенным вниманием к детству и детям в современном российском обществе. Изучение и переоценка прошлого опыта в решении «детских» вопро-

сов тех лет позволят обществу выстраивать социальную политику защиты детства.

Прежде чем определиться с объектом и предметом исследования, необходимо прояснить возрастные рамки детства. В диссертации оно охватывает период жизни от рождения до 15 лет, включая подростковый возраст¹.

В литературе поколение послевоенных детей и подростков называют «детьми войны», «детьми победителей», «младшими детьми войны». Однако на годы «оттепели» приходится уже их осознанные поиски идентичности и активное формирование мировоззрения. По этой причине представителей данного поколения нередко называют шестидесятниками. Здесь нет противоречия, поскольку поколение проходит возрастные этапы детства, юности, молодости, зрелости и старости, меняется его внешний облик, но сохраняются ценности, заложенные в процессе социализации. Поэтому в работе изучается детство поколения шестидесятников (1933/35 – 1945 годов рождения)², чье формирование началось в военные и послевоенные годы, а завершилось в годы «оттепели».

В работе основное внимание уделяется «обычному», «нормальному» детскому опыту, под которым понимается типичный для многих миллионов людей опыт социализации, не противоречащий официальной доктрине советского детства, но скорректированный повседневными реалиями сталинизма. Поэтому в исследовании не рассматривается отдельно жизненный мир детей спецпереселенцев и других пораженных в правах социальных групп.

Объектом диссертационного исследования является советское детство, которое рассматривается в качестве совокупности идей, культурных объектов, социальных институтов, событий³, а также системы детских практик, специфических способов организации детской жизни, норм и ценностей мировосприятия, общения и взаимоотношений с окружающими.

---

¹ См.: Бреева Е. Б. Дети в современном обществе. М., 1999. С. 20-22. Внутри него также можно провести деление: новорожденные, грудные дети (0-1 год), раннее детство (1-3 года), первое детство (4-7 лет), второе детство (8-12 лет), подростки (13-15 лет).

² Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997. С. 96.

³ Щеглова С.Н. Детство: методы исследования. М., 1999. С. 49.

Предмет исследования. В диссертации исследуется городское детство эпохи позднего сталинизма. При этом основной акцент делается на реализации государственных проектов в сфере детства в провинции и отражении их в повседневных практиках.

Историография темы. Впервые об истории детства как об отдельной области исследования заговорили после публикации в Париже в 1960 г. книги Ф. Ариеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке»¹. Особое внимание он уделил проблеме исторических перемен в отношении к детству. На основе его идей и методологии в западной историографии появилось новое направление – история детства.

В отечественной гуманитарной науке подобный подход к детству «пробивал» себе дорогу в течение нескольких десятилетий, хотя изучение детей и детства началось (точнее продолжилось) практически сразу с приходом большевиков к власти. В 1920-1930-е гг. велось изучение детства в рамках педологии². В эти годы активно развивалось ещё одно направление изучения детской жизни – этнография детства³. Однако в середине 1930-х гг. подобные исследования прекратились. Под запретом оказались социология и педология. В последующие десятилетия изучение детства ограничивалось педагогическими исследованиями.

В 1950-1960-е гг. проблематика советского детства представлена исследованиями по вопросам охраны и защиты детства, школьного образования в годы Великой Отечественной войны⁴.

В 1970-1980-е гг. наряду с историко-педагогическими исследованиями¹ появляются работы, в которых представлены возможности междисциплинарного изучения отечественного детства².

¹ Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

² См. подробнее обзорную статью в: Залкинд А.Б. Педология: Утопия и реальность. М., 2001.

³ Виноградов Г.С. Страна детей: Избр. труды по этнографии детства. СПб., 2000.

⁴ Наумова А.Г. Забота о детях в годы Великой отечественной войны: по материалам Пермской областной партийной организации// Ученые записки Пермского пед.ин-та. Пермь, 1961. Вып. 28; Сеницкий А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны// Вопросы истории. 1969. № 6; Куманев В.А. Советская школа в годы великих испытаний// Народное образование. 1965. № 5. и др.

Пересмотр отношения к детству и детям, как самой «защищенной и привилегированной социальной группе в Советском Союзе», начинается в середине 1980-х гг., когда появляются первые публицистические и художественные произведения о трагических судьбах детей, ставших заложниками политических игр взрослых³.

С распадом Советского Союза историки чаще стали применять концепцию тоталитаризма в объяснении сущности «советского детства». Детские государственные учреждения, пионерская организация, комсомол и семья представлялись вполне успешными лабораториями по созданию нового социального вида *Homo Sovieticus*⁴.

С середины 1990-х гг. начинается новый этап в разработке и более специализированном изучении истории российского детства, в рамках которого наибольший интерес вызывает проблематика первой половины XX в.⁵ Самым исследованным периодом оказались 1914-1930-е гг., привлекающие внимание беспрецедентными социальными потрясениями и насилием, перманентными кризисами и переменами⁶.

---

¹ Черник С.А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; Он же. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. Историко-педагогическое исследование. М., 1984 и др.

² Кон И.С. Проблемы междисциплинарной кооперации общественных наук (на материалах социологии детства)// Советская социология. М.: Наука, 1982. Т.1; Он же. Ребенок и общество. М., 1988; Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства// Новый мир. 1979. № 12.

³ Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М., 1995.

⁴ См., напр.: Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994; Недель А. Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинской метафизики детства// Логос. 2003. № 3 (24).

⁵ Однако следует отметить немногочисленные исследования по истории детства древней и средневековой Руси. См., напр.: Кошелева О.Е. «Свое» детство в Древней Руси и в России эпохи Просвещения. М., 2000; Она же. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени// Социальная история. Ежегодник. 1998/ 99. М., 2000.

⁶ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII-н. XX вв. Тамбов, 2004. С. 234-243; Сальникова А.А. «Геенна огненная»: детское восприятие раннего советского периода// *Ab Imperio*. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2002. № 3. С. 321-352; Она же. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие/ Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 411-435; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России в 1920-х гг. В 2-х т. Краснодар, 2002; Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927. Становление нового человека. М., 2003; Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Детско-

1940-1950-е гг., в отличие от предыдущих десятилетий, представлены в основном исследованиями по проблемам образования, социальной защиты детей, детской беспризорности, безнадзорности и преступности. Среди них необходимо выделить работы Е.А. Зубковой, В.Ф. Зимы, А.З. Ваксера, М. Р. Зезиной, А.П. Пыжикова, Л. Б. Брусиловской.

Е.А. Зубкова впервые отметила особую поколенческую специфику послевоенных детей и подростков. Многие из них не имели отцов, семей, но их им заменили школа, двор, детский дом. Послевоенное поколение воспитывалось на ценностях коллективизма, что не помешало, а, наоборот, способствовало появлению плеяды ярких индивидуальностей¹. В.Ф. Зима большое внимание в монографии уделяет детской девиации (беспризорности, преступности) послевоенных лет, ставшей следствием конкретной государственной политики, голода 1946-1947 гг.². А. З. Ваксер реконструирует будни детей в послевоенном Ленинграде в контексте развития образования, детского здравоохранения, борьбы с беспризорностью, безнадзорностью, преступностью среди детей³. М.Р. Зезина описывает колоссальный масштаб беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы, анализирует не всегда успешные попытки решения этих проблем⁴. Реформы в сфере образования в военные и послевоенные годы рассматриваются А.П. Пыжиковым в статье «Раздельное обучение в советской школе»⁵. Он анализирует предпосылки, сущность и реализацию школьной реформы 1943 г. Л.Б. Брусиловская обращается к изучению истоков «оттепели», исследуя про-

---

миссии ВЦИК. 1921-24 гг.)// Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2002. С. 486-528; Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.159-202. и др.

¹ Зубкова Е.А. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945-1953. М., 2000

² Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годы: происхождения и последствия. М., 1996.

³ Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945-1982 годы. СПб., 2005.

⁴ Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945-55)// Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127-136; Она же. Система социальной защиты детей-сирот в СССР// Педагогика. 2000. №3. С. 58-67; Она же. Без семьи: сироты послевоенной поры// Родина. 2001. № 9. С. 82-87.

⁵ Пыжиков А.В. Раздельное обучение в советской школе// Педагогика. 2004. № 5. С. 78-84.

западные настроения советских подростков по музыкальным и книжным предпочтениям, стилиажной моде¹.

Определенным ориентиром для исторической реконструкции послужил методологический и источниковедческий материал, представленный в исследованиях по социологии детства и возрастной психологии², по проблематике советской идентичности³, детской российской субкультуры⁴, фольклора⁵ и ювенальной юриспруденции⁶.

Политический, экономический, социокультурный контекст развития г. Молотова и Молотовской области в середине 1940-1950-х гг. воссоздается в работах таких историков, как А.С. Беркутов, Н.В. Боброва, А. С. Кимерлинг, О.Л. Лейбович⁷.

¹ Брусилловская Л.Б. «Московский Бродвей», «Джаз на костях», « Пожар в джунглях»// Родина. 1998. № 8. С.79-83; Она же. Культура повседневности в эпоху «оттепели»// Общественные науки и современность. 2000 . № 1. С. 163-174.

² Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М., 1995; Щеглова С.Н. Социология детства. М., 1996; Она же. Детство: методы исследования. М., 1999; Она же. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М., 2000; Она же. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М., 2001 и др.

³ Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. М.; СПб., 2002; Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. и др.

⁴ Иванова А.В. Особенности и значение детской субкультуры// Педагогика. 2005.№7. С. 31-36; Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2000.

⁵ Белоусов А.Ф. Русский школьный фольклор// НЛЮ. 2002. № 58. С. 279 – 311; Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70- 90-е годы 20 века. М., 2002; Головин В. Девичий альбом 20-30-х годов XX века// НЛЮ. № 26. 1997. С. 400 – 417; Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, Магия, Миф в детской культуре). М., 2002; Тарасов С.В. Образ мира: Опыт категориальных структур мировосприятия школьников. СПб., 1996.

⁶ Актуальные проблемы современного детства. Сборник научных трудов. Вып 1./ Под ред. Е.М. Рыбинского. М., 1992; Бреева Е.Б. Дети в современном обществе. М., 1999; Она же. Деадаптация детей и национальная безопасность России. М., 2004.

⁷ Беркутов А.С. Борьба с уголовной преступностью в Молотовской области в послевоенные годы (1945-1953 гг.): Дисс...канд. истор. наук. Пермь, 2004; Боброва Н. В. Прикамье в послевоенном десятилетии: проблемы экономического и социального развития// Страницы истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1993. С. 51-58; Кимерлинг А.С. Политическая кампания «Дело врачей» в провинции. 1953 год (на материалах Молотовской и Свердловской областей). Дисс...канд. истор. наук. Пермь, 2000; Лейбович О.Л., Кимерлинг А. С. Письмо товарищу Сталину: политический мир Михаила Данилкина. Пермь, 2002; Лейбович О.Л. В городе М: Очерки политической повседневности советской провинции в 40-50-х гг. XX в. Пермь: ПГТУ, 2005. и др.

Ещё один блок исследовательской литературы связан с проблемами функционирования социальной памяти, принципов интерпретации мемуаров и устных интервью¹. Специфика воспоминаний как источника по истории детства детально изучена в отечественной историографии². В этом направлении ведут свои исследования по детству В.Г. Безрогов, Л.Н. Юсупова³ и другие авторы.

Большие заслуги в изучении истории российского детства XX в. принадлежат американским и европейским исследователям. Среди них безусловным лидером является английский историк К. Келли⁴. По её мнению, история российского детства не противоречит общим процессам модернизации (глобализации) детства на Западе, проходившим по универсальным и транснациональным принципам⁵. Тем не менее, автор не исключает и, более того, активно исследует зависимость истории детства от крутых поворотов советской идеологии и политики⁶. Собственно послевоенному юношеству посвящено диссертационное исследование историка Ю. Фюрст «Последнее сталинское поколение: моло-

¹ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 8-27; Безрогов В.Г. Автобиографии и социальный опыт//Социальная история: ежегодник. 2001/2002. М., 2002. С. 529-550; Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (3-16 вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии. М., 2001. и др.

² Безрогов В.Г. Воспоминания как источник по истории детства / Педагогическая антропология и история детства. М., 2001. С. 65-78; Безрогов В.Г. и др. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М., 2001; Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф»/ Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в 20 столетии. Сборник статей. Челябинск, 2004. С. 413-430. и др.

³ Безрогов В.Г. Память о военном детстве (свидетельства детей 40-х гг.)// Вестник Университета РАО. 2005. № 2(28). С. 66-79; Юсупова Л.Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии// Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003 /2004. М., 2005. С. 345 – 351.

⁴ Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда// НЛО.2003.№ 60. С. 218.

⁵ Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России)/ Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 385- 410; Она же. «Школьный вальс»/ Антропологический форум. 2005. № 1. С. 104-155; Kelly C. Shaping the “Future Race”: Regulating the Daily Life of Children in Early Soviet Russia// Everyday Life in Early Soviet Russia: taking the Revolution inside/ed. By C. Kiaer and Eric Naiman. Bloomington, Indiana University Press, 2006. P. 256-281 и др.

⁶ Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда// НЛО. 2003.№ 60. С. 221.

дежь, государство, комсомол, 1945–1953»¹. В работах Д. Данстана и Л. Холмса рассмотрены вопросы советской государственной политики в сфере образования в 1940-е гг.².

В монографиях Ш. Фитцпатрик, С. Дэвис, Д. Хоффмана анализируется социальная политика в контексте дискуссий о сути трансформаций советского общества в годы сталинизма³. Социальные и экономические аспекты послевоенной советской истории представлены в исследованиях В. Данэм, А. Вайнера, К. Ботерблюма, Д. Филтцера и других авторов⁴.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии появилось немало исследований, посвященных проблемам российского детства 1914-1945 гг., тогда как послевоенный период остается, за редким исключением, вне поля зрения специалистов. Его изучение позволит проследить, с одной стороны, преемственность с довоенным периодом, с другой - перемены в мире детства, оказавшие влияние на формирование ценностей «оттепели».

Научная новизна работы. Прежде всего, она заключается во временных и территориальных рамках исследуемого объекта. В работе анализируется советское детство послевоенного десятилетия на примере городов Молотовской области. В исследовании представлен также новый ракурс изучения советского

---

¹ Furst J. *Stalin's Last Generation: Youth, State and Komsomol, 1943-1953*: PhD Thesis, London School of Economics, 2003; Furst J. *Prisoners of the soviet self*// *Europe-Asia Studies*. Vol. 54. № 3. 2002. P. 353-375.

² Dunstan J. *Soviet Scholling in the Second World War*. N.Y., 1997; Holms L. *School and Schooling under Stalin, 1931-1953*// *Educational reform in post-Soviet Russia : legacies and prospects*/ edited by Ben Eklof, Larry E. Holmes, and Vera Kaplan. London and New York, 2005. P. 56-101.

³ Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934 – 1941*. Cambridge, Cambridge University press, 1997; Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, Oxford University Press, 1999; Fitzpatrick S. *Tear off the masks!: identity and imposture in twentieth-century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 2005; *Stalinism: New Directions/ Ed. By S. Fitzpatrick*. London and New York, 2000; Hoffman David L. *Mothers in the Motherland: Stalinist Protonalism in its Pan-European Context* // *Journal of Social History*. Fall. 2000. P. 35-54; Hoffman David L. *Was there a Great Retreat?* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5, 4 (Fall 2004). P. 651-674.

⁴ Boterbloem K. *Life and Death under Stalin: Kalinin Province, 1945-1953*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999; Dunham V. *In Stalin's Time: Middleclass values in Soviet fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976; Filtzer D. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War Second*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

детства - в контексте более общих социокультурных и государственных повседневных практик.

В работе исследуются мало разработанные в отечественной и зарубежной историографии сюжеты истории детства. Так, наряду с девиантными формами поведения, анализируется «обычный» детский опыт советских детей и подростков.

Кроме того, работа основывается на разнообразном круге источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Часть из них собрана автором с помощью методов устной истории.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном анализе проблематики советского детства эпохи позднего сталинизма, сложившейся из государственных замыслов и повседневных практик детей и взрослых, устремлений центральных властей и их воплощения на «местах».

Задачи исследования

- проанализировать советскую модель детства эпохи сталинизма, отраженную в официальной идеологии, институтах детства, государственной политике; определить её послевоенную специфику
- проследить осуществление государственных проектов и замыслов в отношении детства в послевоенной советской провинции; установить степень их воплощения на практике
- определить, как отражались государственные проекты на повседневном мире городских детей и подростков в Молотовской области, в детских практиках и стратегиях поведения

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 по середину 1950-х гг., с момента окончания Великой Отечественной войны до условного окончания эпохи сталинизма. Его понимание невозможно без довоенного контекста, итогов Великой Отечественной войны и последующих социокультурных изменений в годы «оттепели».

Смерть Сталина условно завершила этап развития советского общества. Ещё в течение нескольких лет оно освобождалось от наиболее грубых форм стали-

низма в общественной, политической, экономической сферах, когда происходила постепенная либерализация советской жизни.

Территориальные рамки исследования. Реконструкция советского послевоенного детства по материалам Молотовской области позволяет расширить представления о локальных вариантах реализации «детского проекта» советской власти. В диссертации реконструируется жизненный мир городских детей и подростков в Молотовской области. В послевоенные годы по-прежнему существовала огромная разница между культурой детства полуурбанизированных городов и крестьянским детством, в большей степени зависевшим от зигзагов государственной политики и традиционного крестьянского уклада жизни.

Методология исследования. С конца XIX в. в Западной Европе и России происходит активное вмешательство государства в сферу детства. Наиболее приемлемым подходом для понимания сущности этого процесса является теория модернизации¹. Модернизация (как комплексный и многогранный процесс перехода от традиционного общества к современному) охватывала различные сферы общественной жизни, в том числе и детство. В сфере детства она проявилась в возрастающем государственном вмешательстве в жизнь детей с целью воспитания законопослушных граждан; в официальном контроле и поддержке семьи; в создании особой детской материальной культуры и т.д.². При этом модернизационный подход не отрицает уникальных черт советского общества и идеологии, которые во многом определяли государственную политику в области детства.

Теория социального конструирования³ позволяет понять, каким образом трансформировалось «советское детство» в качестве социального феномена,

---

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997; Ильин В.В., Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие в России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Лейбович О.Л. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996; Он же. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994 Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; и др.

² Келли К. «Маленькие граждане большой страны»...С. 220.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

поддерживавшегося сетью формальных и неформальных институтов, как оно конструировалось государством, общественностью, взрослыми и детьми. Согласно этой теории индивид мыслит в формах мышления своей группы. Когнитивные конструкции различных групп вырабатываются в ходе повседневного взаимодействия. Они являются как реальностью для индивидов, так и результатом их деятельности.

Методика гендерного исследования, используемая в работе, также основывается на теории социального конструирования. Формирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и принятия социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний. Гендерный подход позволяет выявить те социокультурные ценности и нормы поведения, которые советское государство и общество прививало детям, предписывало им следовать в зависимости от биологического пола¹.

Для решения поставленных целей и задач в работе используются также методика устной истории, с помощью которой проводился сбор устных воспоминаний, интерпретировались полученные результаты. В ходе изучения теории и практики устной истории был разработан вопросник по истории детства в послевоенном советском обществе².

Источниковая база исследования. Детство является той частью исторического опыта, которая мало документируется и часто остается без свидетельств прошлого. Поэтому при формировании источниковой базы диссертационного исследования стояли задачи поиска документов, способных адекватно отразить те или иные аспекты детства.

Для анализа советских государственных проектов и замыслов в сфере детства, идеологии, институтов, их реализации в Молотовской области привлекается обширный круг опубликованных и неопубликованных источников.

---

¹Словарь гендерных терминов/Под ред. Денисовой А.А., 2002// <<http://www.owl.ru/gender/010.htm>>

² Безрогов В.Г. и др. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М., 2001; Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003; Сайт центра устной истории Петрозаводского госуниверситета <<http://oralhist.karelia.ru>> и др.

Первую группу составляют тематические сборники документов, содержащие законодательные акты и постановления, касающиеся народного образования, пионерского движения, семейного, брачного законодательства, охраны материнства и детства¹. Среди них следует отметить сборники документов «Дети ГУЛАГа. 1918-1956», раскрывающий «карательную» сторону государственной политики детства²; «Советская жизнь. 1945-1953»³, представляющий материалы личного и официального происхождения о демографических, экономических, социокультурных аспектах послевоенной повседневности. Особый вид документальных публикаций представляют статистические сборники, в которых характеризуются половозрастные изменения в демографической структуре общества в 1940-1950-е гг.⁴.

Важную группу официальных материалов составляет неопубликованная отчетная и делопроизводственная документация: постановления, директивы, докладные записки, отчеты в сфере образования, детского здравоохранения, общественно-политического воспитания, надзора по делам несовершеннолетних. В работе использованы материалы фонда ЦК ВКП (б) (отдел школ, агитации и пропаганды) в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)⁵, фондов пермского обкома, горкома КПСС, ВЛКСМ в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО)⁶; фондов горисполкома, облисполкома, пермского облстатуправления, отделов народного образования здравоохранения, прокуратуры Пермской области

¹ Директивы и документы по вопросам пионерского движения. М., 1959; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1953). Часть II. М., 1953; Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917 – 1973. М., 1974; Справочник по вопросам охраны детства. М., 1956; Москва послевоенная 1945-1947 гг. Архивные документы и материалы. М., 2000. и др.

² Дети ГУЛАГа: 1918-1956 гг. /Сост. Виленский С.С., Кокурин А.И., Атамашкина Г.В. и др. М., 2002.

³ Советская жизнь. 1945 – 1953/ Сост. Е.Ю. Зубкова и др. М., 2003.

⁴ Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941 - 1990): Статистический справочник. Пермь, 1992; Дети в СССР: Стат. Сб./ ЦСУ СССР. М.: Статистика, 1979; Женщины и дети в СССР: Статистический сборник. М., 1963.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126; 132.

⁶ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 11-20; Там же. Ф. 1. Оп. 45; Там же. Ф. 1458. Оп. 1.

и г. Молотова, городского Дворца пионеров и школьников в Государственном архиве Пермской области (ГАПО)¹.

Следующую группу источников составляют труды советских партийных деятелей и педагогов по вопросам воспитания и образования. Работы М.И. Калинина, А.С. Макаренко, Н. К. Крупской, В.А. Сухомлинского позволяют реконструировать теоретические представления большевиков о «новом» человеке, принципы коммунистического воспитания, внедрявшиеся в педагогическую практику.

Отдельную группу источников составляют публицистические (в основном пропагандистские) произведения, касающиеся повседневной жизни детей в Советском Союзе²; к этой же группе можно отнести методическую литературу, издававшуюся в помощь советским воспитателям и педагогам³.

Важным источником, раскрывающим государственную политику, идеологию в области детства является местная и центральная специализированная периодическая печать. Массовые женские («Работница»), педагогические журналы («Советская педагогика») детские и юношеские газеты («Пионерская Правда», «Большевицкая смена»), провинциальная пресса («Звезда») в большей степени формировали, чем отражали действительность. Они содержат различные вербальные и визуальные материалы о детстве, отражающие как советские мифы о детях, так и реальные проблемы детей и подростков и их родителей.

Для реконструкции детского личного опыта эпохи сталинизма привлекаются документы личного происхождения (мемуары, дневники, интервью).

¹ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5; 6; Там же. Ф. р-981. Оп. 1. Т.2; Там же. Ф. р-493. Оп. 3; Там же. Ф. р-478. Оп. 2; Ф. р- 986. Оп. 1.Т.1; Там же. Ф. р-480. Оп. 3; Там же. Ф. р-1365. Оп. 2; Ф. р-1366. Оп.1; Там же. Ф. р-1573. Оп. 1.

² Дети о Сталине. М., 1939; Дети-патриоты Советской Родины. М., 1948; Кулик А.С. Городок на Каме. Эпизоды из жизни детского дома. М., 1950; Парфенова М.Н. За счастье детей. М.: Госполитиздат, 1955; Русанова О. Дети народа. М., 1948; Счастливое детство. Сост. Альбома и автор очерка Л.В. Хотилова. М., 1950.

³ Вопросы воспитания в детском доме. М., 1956; Из опыта работы детских домов. Сборник статей. М., 1956; Из опыта работы педагогического коллектива Добрянского детского дома. Кудымкар, 1960; Учебно – воспитательная работа в детском доме/ Под ред. Г.Я. Арнаутова. М., 1954.

В личных фондах ГАПО хранятся дневники пермской учительницы, лектора и писателя З.И. Таруниной, размышляющей о школе, семейных взаимоотношениях в годы позднего сталинизма¹, воспоминания телевизионного редактора Г.И. Мещерякова о жизни в детском доме тех лет².

Среди опубликованных воспоминаний в небольшом количестве представлены мемуары местных авторов. Однако их произведения в основном посвящены военному детству и лишь частично – послевоенной юности³. Поскольку грань, отделяющая воспоминания от публицистики, научно-популярной, художественной литературы, основанных на автобиографическом материале, очень тонка, к числу опубликованных мемуаров пермских авторов были отнесены повести-воспоминания Б. Зиф⁴, Е. Старкова⁵.

Чтобы определить послевоенную специфику детства в городах Молотовской области, к исследованию привлекаются воспоминания о детстве в других городах. К ним следует отнести мемуары В.К. Буковского, М.Ю. Германа, А.С. Козлова, А. Я. Шапиро и др.⁶.

В ходе исследования было собрано 25 интервью о детстве, проведенном в Молотове, Очере, Боровске, Добрянке, Кизеле, Лысьве, Кунгуре. Устная история дает материалы, вполне схожие с опубликованными автобиографиями, но в гораздо более широком масштабе. Она позволяет расширить социальную базу исследования и увеличить круг изучаемых проблем. Анализ нескольких десятков воспоминаний не претендует на всеохватность и полноту описания, но позволяет наметить проблему субъективного восприятия детства в годы позднего сталинизма.

¹ ГАПО. Ф. р-1768. Оп. 1. Д. 14, 16, 18.

² Там же. Ф. р-1743. Оп. 111. Д. 71.

³ См., например: Ширинкин В.М. *Времена не выбирают*. Пермь, 2005.

⁴ Зиф Б.Л. *Провинция: Повесть. Из воспоминаний*. Пермь, 2004

⁵ Старков Е. *Гранит. Оса*, 2005.

⁶ Буковский В.К. «И возвращается ветер...»: письма русского путешественника. М., 1990; Герман М.Ю. *Сложное прошлое*. СПб., 2000; Козлов А.С. «Козёл на саксе» - и так всю жизнь. М., 1998; Шапиро А.Я. Как закрывался занавес // *Дружба народов*. 1997. № 10 и др.

Практическая значимость исследования. Основные выводы и положения диссертации могут быть использованы при подготовке спецкурса по истории детства, лекционного курса по новейшей истории России.

Результаты исследования могут рассматриваться в качестве рекомендаций при разработке программ регионального развития в сфере детства.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены в докладах на научных конференциях: международной (Москва, 2006); всероссийских (Пермь, 2004 – 2005; Кунгур, 2005; Казань, 2006) и отражены в публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, анализируется степень изученности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, его хронологические и территориальные рамки, характеризуется методология и источниковая база работы.

В первой главе «Модель советского детства эпохи сталинизма» анализируются идеология, институты и государственная политика в области детства в 1930-е гг., их эволюция в 1940-1950-е гг.

В первом параграфе рассматриваются большевистские проекты 1920-х гг. в сфере детства, в области создания «нового человека». Особое внимание в них уделялось развитию и поощрению в ребенке активности, самостоятельности, творческих способностей. Поскольку семья, по мнению большевиков, не могла справиться с этой задачей, огромные усилия были направлены на создание разветвленной институциональной структуры «советского детства» (учреждений общественного воспитания, образования, здравоохранения, детского досуга и т.д.). Институты детства должны были взять на себя основную нагрузку по социализации советского ребенка, управлять его «уходом» из семьи. Предполага-

лось, что в государственных детских учреждениях дети смогут усвоить официально признанные нормы, роли, идентичности, разделить чувство субординации. Параллельно формировалась карательно-профилактическая система, выполнявшая функции наказания, исправления, перевоспитания детей и подростков, оказывавшихся за бортом «советского детства».

На рубеже 1920-30-х гг. представления о «новом человеке», соответственно - о методах и стиле его воспитания, меняются. Советскому государству с началом сталинской «культурной революции», «великого перелома» в политике партии стали требоваться не активные, самостоятельные, гармонично развитые «абстрактные» строители нового общества, а дисциплинированные, законопослушные, грамотные, культурные и преданные граждане. Изменились гендерные представления о детях: от попытки отождествления мальчиков с девочками к пропаганде более зависимого, покорного начала у девочки как будущей матери и хозяйки. В 1930-е гг. произошла унификация образования, начался новый этап в его идеологизации, все большее количество детей охватывали детские и юношеские общественно-политические организации. Ужесточались карательно-репрессивные меры по отношению к детям.

Модель советского «счастливого детства» эпохи сталинизма представляла собой слаженный государственный механизм воспитания советских граждан. Семье в ней отводилось значительное, но подчиненное место. Государство не давало ей автономии. Невыполнение обязанностей по воспитанию детей могло повлечь применение предусмотренных законом принудительных мер (лишение родительских прав, помещение детей в детские дома). Начиная с самого раннего возраста, ребенок должен был пройти все основные этапы советской социализации (детские ясли, сад, школа, средние или высшие учебные заведения). В том случае, когда он оставался сиротой, его воспитанием полностью занимались государственные детские учреждения (дома ребенка, детские дома). Кроме этого, развитая материальная, символическая культура детства должны были способствовать более легкому и быстрому усвоению официально принятых норм и ценностей, ролей и идентичностей, «пропитанных» коммунистической

идеологией. Другую часть этой модели составляли детские учреждения (колонии, специальные детские дома и т.д.), которые изымали, наказывали, перевоспитывали, возвращали обратно в «советское детство» тех детей, чье поведение не вписывалось в рамки официальной концепции детства (беспризорных и безнадзорных, совершавших проступки и преступления).

Во втором параграфе анализируется эволюция «советского детства» в 1940-1950-е гг. В эти годы концепция советского детства институционально не претерпела серьезных изменений, однако корректировалась в соответствии с потребностями милитаризированной экономики и армии. В войну многие дети оказались исключенными из сферы государственных проектов. Из-за эвакуации, многочисленных потерь на фронте и высокой смертности населения в тылу число сирот и беспризорных выросло. Поэтому основная ставка в решении этого вопроса была сделана на усовершенствование профилактической, карательно-репрессивной системы.

Представления о жизни детей в Советском Союзе все больше мифологизировались. С началом «холодной» войны конструкция «советское «счастливое» детство» превратилась в международную пропагандистскую витрину достижений социализма, а Советский Союз – в защитника прав детей во всем мире. Все четче формулировалась концепция «советского человека»: стойкие, выносливые, волевые, преданные Родине и партии граждане, в воспитании которых особую роль играл труд. В эти годы ужесточились дисциплинарные и режимные требования к воспитанию детей в детских учреждениях. Под воздействием раздельного обучения, введенного в 1943 г. и просуществовавшего до 1954 г., гендерные представления приобрели более отчетливые очертания. С одной стороны, по инерции прежних лет пропагандировался гендерный эгалитаризм, когда со страниц журналов и газет о детях писали в основном нейтрально, используя общие, «бесполые» формулировки. С другой - реалии раздельного обучения требовали продвижения более конкретных поведенческих идеалов: девочек – будущей матери и хозяйки, мальчиков – защитников Родины.

Вторая глава «Детство в советской провинции в контексте проблем послевоенного десятилетия» посвящена практическому воплощению государственных проектов «детства» в городах Молотовской области. В ней рассматриваются социально-экономические и демографические проблемы. В этом же контексте анализируется деятельность основных государственных детских учреждений (детских яслей, садов, школ, пионерской организации и комсомола, домов ребенка, детских домов, детских комнат милиции, приемников-распределителей, колоний). Также рассматриваются особенности трудовой социализации и взросления послевоенных детей и подростков.

В первом параграфе изучается положение детей в послевоенные годы. За годы войны Молотовская область приобрела статус одного из крупных промышленных центров страны. Однако война оставила след на повседневном существовании ребенка: высокая детская заболеваемость, смертность, проблемы с питанием, материальным обеспечением стали следствием социально-экономических трудностей послевоенного восстановления и ускоренной урбанизации.

Во втором параграфе анализируется деятельность детских государственных учреждений. Детских яслей и садов было слишком мало, чтобы охватить всех детей в возрасте до 7 лет. Поэтому дошкольным воспитанием большинства из них занимались семьи, родители. Те дети, которые посещали ясли и сады, получали присмотр, врачебную помощь, питание, иногда оказывавшееся лучшим, чем дома.

Общеобразовательные школы вместе с пионерской организацией и комсомолом фактически взяли на себя основную нагрузку по воспитанию детей и подростков. В связи с большой занятостью родителей, озабоченных выживанием семьи, школа брала на себя многие ее функции. Она не просто помогала ребенку преодолевать экстремальность жизни военных и первых послевоенных лет, но и была эффективным инструментом официальной советской социализации. Однако в Молотовской области не все государственные замыслы и проекты в отношении школы были реализованы. Практика отдельного обучения,

предполагавшая особый поход к воспитанию детей, не была повсеместной. В г. Молотове, вошедшем в список тех городов, где оно вводилось, она коснулась лишь трети школ.

Дома ребенка, детские дома также не всегда могли обеспечить им прохождение всех этапов «эталонной» социализации, поскольку находились в тяжелом материально-бытовом положении. Все это способствовало распространению аномального поведения среди детей (бегство из детских домов и других учреждений, нищенство, бродяжничество, преступления и т.д.). Для борьбы с его последствиями действовала целая сеть государственных учреждений (детские комнаты милиции, приемники-распределители, трудовые и трудовые воспитательные колонии). Карательно-репрессивные меры в отношении подростка, совершившего проступок, создавали замкнутый круг. Оступившись и попав в криминальную среду, он обычно не мог выйти из неё. Государственная политика в этой сфере, пытавшаяся каким-то образом улучшить ситуацию с подростковой девиацией, фактически способствовала её росту.

Несмотря на то, что послевоенные материально-бытовые проблемы детских учреждений, на первый взгляд, не могли привести к успешной социализации советских детей и подростков, их чрезвычайная идеологизация сильно воздействовала на формирование «правильной» идентичности.

В третьем параграфе рассматриваются условия послевоенного взросления детей, в процессе которого особую роль играл труд. Выйдя за пределы простой воспитательной категории, он для части подростков, семей, детских учреждений стал стратегией выживания. Для государственных предприятий области – вынужденным и частичным решением проблемы с нехваткой людских ресурсов. Трудовое взросление детей и подростков анализируется на примере учащихся учебных заведений Министерства трудовых резервов (ремесленные, железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения и т.д.) и подростков, трудившихся на предприятиях области.

Таким образом, трудности послевоенного повседневного существования, на которые наталкивалось практическое воплощение модели советского детства,

корректировали процесс официальной социализации провинциальных детей и подростков. В то же время существовало иное, неформализованное пространство советского детства, которое играло важную роль в формировании подрастающего поколения.

В третьей главе «Мемуарные образы послевоенного советского детства» анализируется на основе материалов личного происхождения и устных интервью жизненный мир «обычных» послевоенных детей и подростков. Он раскрывается через ключевые для многих мемуаристов образы: домашнее и семейное пространство, школьные реалии и уличную жизнь. Проанализировав воспоминания, можно определить общие контуры этих важных составляющих детской жизни.

В первом параграфе реконструируется провинциальное домашнее пространство послевоенных лет, в котором сочетались элементы традиционной крестьянской и урбанизированной культуры, «старая» религиозность и советская атеистичность, индивидуализм и коллективизм, приватность и публичность. Сосуществование этих противостоящих друг другу начал приобретало в отдельно взятой семье различные формы: в одних - борьба, в других - компромисс. В дошкольном возрасте именно семья занималась воспитанием детей, поэтому через взаимоотношения в семье ребенок усваивал первые модели социального поведения. Через пространственно-предметную среду дома он познавал себя и окружающий мир, рано включался в повседневные практики, основанные на индивидуальном решении, выборе стратегий выживания, уклонения.

Во втором параграфе рассматриваются неформальные и неофициальные отношения, нормы и ценности детей и подростков в рамках идеологизированного и политизированного школьного обучения. Когда ребенок поступал в школу, начинался процесс официальной советской социализации. В послевоенные годы школа, общественно-политические организации были эффективным инструментом в формировании советской идентичности. Однако рутинный образовательный процесс трансформировался, приспособлялся в ходе ежедневных практик школьной администрацией, учителями и учениками. Влияние семьи на

этот процесс было минимальным. В пределах школы формировались первые дружеские, товарищеские отношения, которые, в первую очередь, зависели от гендерной принадлежности ребенка. Однако раздельное обучение усиливало интерес к противоположному полу. С одной стороны, в провинциальной школе мало проявлялись социальные, национальные отличия детей, даже, несмотря на политические кампании эпохи позднего сталинизма, с другой – этот мир мог выстраиваться, особенно среди мальчиков в соответствии с возрастной подростковой иерархией. Участие в пионерии и комсомоле (далеко не всеобщее в тот период) было одним из важнейших факторов в конструировании советского детства, символизировало смену его этапов, постепенно превращалось в будничные школьные ритуалы.

В третьем параграфе анализируется дворовая, уличная жизнь детей и подростков. Послевоенные дворы и улицы – один из символов эпохи позднего сталинизма, поскольку отсутствие родительского надзора, игрового пространства в коммуналках, бараках, общежитиях, привело к формированию особой детской субкультуры, разновозрастной общины. Двор, улица – место, где дети в зависимости от пола, возраста выбирали уличную компанию, игры, формы проведения досуга. Здесь они проходили стихийную социализацию. Власть эта стихийность пугала и настораживала. Понимая, какую опасность таит улица для существующего режима, проекты «детства» изначально предполагали развитие досуговой сферы ребенка. В послевоенные годы ею занималась школа и пионерская организация, достаточно успешно организовывавшие свободное время детей. Однако исключить влияние улицы, несмотря на все попытки, не удавалось. Безусловно, это влияние могло быть различным. В параграфе оно рассматривается на примере подростковых дворовых инсценировок криминального стиля в поведении, одежде, общении и зарождавшейся стилистической культуры.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования. Придя к власти, большевики превратили детство в сферу особого государственного интереса и повышенного внимания, полагая, что в ребенке можно воспитать те качества и навыки, которые больше всего значимы для строительства

социализма. В первое послереволюционное десятилетие в основе всех в той или иной степени утопических проектов детства лежало формирование «нового» советского человека. Однако на практике у большевиков отсутствовало четкое понимание того, как воплотить эти проекты в жизнь. Поэтому революционный идеал всесторонне развитой, гармоничной личности, а вместе с ним образ активного маленького строителя нового общества корректировались вместе с политическим, социально-экономическим развитием государства и общества. В 1920-е гг. начинает формироваться разветвленная институциональная сеть детства, предполагавшая охватить все этапы и сферы детской жизни. Особые функции отводились репрессивно-карательным и профилактическим учреждениям, контролировавшим реализацию «детских» проектов.

Необходимость создания особой детской культуры, учреждений, занимавшихся вопросами детства, понимали не только в верхах, но и среди представителей российской общественности. Поэтому создание «советского детства» сложно назвать исключительно государственным вмешательством в жизнь детей. Скорее это было встречное движение государственных и общественных интересов и действий.

Экспериментирование в средствах и методах воспитания детей прекратилось к концу 1920-х гг., когда бурно развивающаяся экономика стала нуждаться в законопослушных, грамотных, дисциплинированных кадрах. Для формирующегося сталинского политического режима воспитание в ребенке таких черт, как революционная активность, энергичность, самостоятельность становились социально менее значимыми.

В 1930-е гг. происходит идеологическая и институциональная достройка модели советского «счастливого детства». Поэтапно и непрерывно, независимо от пола, национальной, социальной принадлежности ребенок должен был пройти все ступени социализации: детские сады и ясли, где профессионалы следили бы за всесторонним его развитием; школу и общественно-политические организации, где он превращался в грамотного идейного индивида.

Доктрина «счастливого детства» предполагала ещё один вариант советской социализации. Сироты начинали свой путь в доме ребенка, затем оказывались в детском доме, где жизнь их должна была быть интересней и насыщенной, чем дома. Предполагалось, что дети-сироты будут учиться в обычных школах вместе с домашними детьми, тем самым без проблем интегрироваться в советское общество. В результате деятельности всех этих учреждений сирота должен был превратиться в «нормального» законопослушного и преданного партии советского гражданина.

Ни годы войны, ни период послевоенной реконструкции кардинально не изменили сущность государственных проектов детства, поскольку Великая Отечественная война подтвердила их эффективность. Поколение 1930-х гг., воспитанное «по-советски», активно участвовало в войне. Поэтому в послевоенный период модель лишь корректировалась и обновлялась. Но советское общество, вышедшее из войны, изменилось, а вместе с ним - и дети. «Детский» вопрос в 1940-е гг. не отходил на периферию государственного внимания, но по объективным причинам дети были меньше всего защищены от тягот военной и послевоенной жизни, что порождало детскую девиацию – беспризорность, безнадзорность, преступность. Поэтому в 1940-1950-е гг. особое внимание отводилось усовершенствованию профилактической и карательно-репрессивной системы защиты детства. В то же время на международной арене с началом холодной войны «советское счастливое детство» превратилось в витрину достижений советской власти, эталоном, который экспортировался в страны соцлагеря.

Практическое воплощение «детских» проектов эпохи позднего сталинизма наталкивалось на послевоенные реалии детства. Даже в Молотовской области, относительно «благополучном» тыловом и быстро развивающемся регионе, государственные проекты в этой сфере реализовывались с большими трудностями.

Реалии «молотовского» детства послевоенных лет были разнообразными. На одном полюсе – хроническое недоедание, высокая детская заболеваемость и смертность, бытовая неустроенность, на другом - достаточно обеспеченные и

благополучные будни детской жизни. Безусловно, на детстве отражалась послевоенная социальная дифференциация советского общества. Однако специфика этого периода заключалась в том, что социальное, а также национальное деление имело минимальное значение для самого подрастающего поколения. Даже политические кампании по борьбе с космополитизмом среди детей имели слабый отклик. Но чем старше становились дети, тем осознанней они включались в общественно-политическую жизнь страны.

Проанализировав практическое воплощение модели советского детства в городах Молотовской области, можно сделать вывод, что детские учреждения, с которых начиналось общественное воспитание ребенка, не могли охватить всех детей дошкольного возраста. Детских яслей и садов повсеместно не хватало либо плата за них была слишком высокой. Поэтому до школы большинство детей воспитывалось дома. После поступления в школу влияние семьи на ребенка нивелировалось. Причиной тому была занятость родителей, озабоченных в послевоенные годы, прежде всего, материальным обеспечением своих детей и семьи. Общеобразовательная школа (и её составная часть - детские и юношеские общественно-политические организации) в послевоенные годы стала главным социализирующим институтом, взявшим на себя всю нагрузку по научению ребенка официальным моделям поведения, нормам и ролям.

Другой вариант реализации модели советского детства, касавшийся детей-сирот, также проходил с отклонениями. В войну дети-сироты, число которых резко возросло, направлялись в многочисленные, созданные наспех и неподготовленные к приему воспитанников детские дома. Наряду с психологическими проблемами адаптации к жизни в детском доме, дети сталкивались с тяжелыми материальными трудностями. Существовали образцовые детские дома, в которых и воспитатели и воспитанники составляли дружный коллектив. Как правило, они имели довоенную историю, устоявшийся быт и традиции, в отличие от детских домов, появившихся во время войны. Общее положение детских домов в Молотовской области, особенно в 1945-1950 гг., свидетельствует о том, что их первоочередной задачей было выживание.

Количество детей, оказавшихся исключенными в годы войны из проекта «счастливое детство», в первые послевоенные годы было велико. Поэтому детские комнаты милиции, приемники-распределители и колонии заполняли «прорехи» существующей системы социализации. В них нередко попадали дети, впервые совершившие малозначительные преступления из-за голода или нищеты.

Трудности послевоенного повседневного существования вынуждали многих детей и подростков рано начинать работать. С одной стороны, в советской концепции детства посильный труд рассматривался неотъемлемой частью подготовки трудовых ресурсов для народного хозяйства. С другой - в 1940-е гг. детский и подростковый труд уже не был просто средством советской социализации, поскольку нередко принудительно использовался в промышленности и сельском хозяйстве из-за постоянной нехватки людских ресурсов. К труду дети и подростки приобщались и в семье, и в школе, и в детском доме, и в колонии. Некоторые из них, поступив в учебные заведения Министерства трудовых резервов либо устроившись на работу, нередко оказывались в тяжелых производственных и бытовых условиях, сталкивались с непониманием и бездействием начальства. Через трудовое взросление дети слишком быстро интегрировались во взрослый мир, что могло вызвать к нему озлобление и ожесточение, отчуждение от пропагандистских лозунгов и идеалов. В то же время к середине 1950-х гг. практика использования детского труда все больше уходила в прошлое.

Поскольку реализация модели советского детства наталкивалась на трудности послевоенного существования, усвоение норм, ценностей и моделей поведения происходило также вне рамок официальной социализации и оказывало сильное воздействие на послевоенное подрастающее поколение.

Послевоенное домашнее пространство, будучи первым социальным миром, с которым сталкивался ребенок, по своей природе было компромиссным во всем, начиная с уклада и заканчивая семейными межпоколенными взаимоотношениями. В школе, помимо усвоения знаний и официальной идентичности, у детей и подростков формировались основные навыки общения и взаимодейст-

вия, завязывалась дружба, товарищество. Улица и двор предоставляли ребенку в зависимости от пола и возраста ещё большее количество сценариев усвоения идентичности. В результате из всего разнообразия официальных и неофициальных норм, ролей и моделей поведения ребенок интегрировал и впитывал наиболее социально значимые из них.

Довольно сложно обрисовать общий портрет типичного представителя или представительницы послевоенного поколения детей и подростков, потому что и внутри него были носители разных ценностей. То поколение можно назвать как истово верующим, так и сомневающимся, как политизированным, так и аполитичным. Эта бинарность мировосприятия порождалась спецификой послевоенного общества – внешне стабильного и жестко регулируемого. Однако внутри него шли процессы дифференциации статусов, ценностей, идеалов. Дети и подростки тех лет быстрее адаптировались к меняющемуся послевоенному миру, рано взрослели, но при этом оставались детьми. Они воспитывались в ценностях своей эпохи: коллективизма, «равенства в нищете», солидарности, патриотизма.

В приложении представлен вопросник, на основе которого проводились устные опросы по теме диссертационного исследования.

Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

1. Противоречия послевоенной адаптации к советской повседневности на примере студенчества 1945 -1953 гг.// Культурный шок и повседневность. Материалы XVI Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения». Пермь: ЗУУНЦ, 2004. С. 141-143.
2. «Дети двора»: криминальные инсценировки и поиски идентичности городских детей и подростков в годы позднего сталинизма// Отчуждение и присвоение в современной культуре. Материалы XVII Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения». Пермь: ЗУУНЦ, 2005. С. 84-87.
3. Репрезентация советского детства в мемуарной литературе рубежа XX и

- XXI вв.// Вестник Пермского университета. Вып. 5. История. Пермь: Изд-во ПГУ, 2005. С.56-65.
4. Современность «по-советски»: модернизация детства в 1945-53 гг.// Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Том I. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 76-77.
  5. Проблема советского детства в современной отечественной историографии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы Всероссийской научной конференции (Казань, 2006). М.: ИВИ РАН, 2006. С.247-250.